

Персона
Валерий ВЫЖУТОВИЧ

Инакомыслящий

Глубокий философ и блистательный лектор, тонкий знаток искусства и опытный религиовед, яркий литературный критик и вдумчивый толкователь истории. Все это - в одном человеке, не имеющем ученых степеней и званий. Его зовут Григорий Померанц

После войны он подвергался преследованиям за нестандартный образ мысли. В 1949 году был арестован и осужден за «антисоветскую агитацию», освобожден по амнистии в 1953-м и реабилитирован в 1956-м. В середине 60-х его философские и литературные эссе стали распространяться в самиздате. Произнесенная им в Институте философии речь о культе личности и сталинизме широко разошлась в машинописных копиях под названием «О нравственном облике исторической личности» и имела сильнейший резонанс в среде интеллигенции.

С 1976 года имя Григория Померанца было запрещено упоминать в советской прессе. Его книги выходили в Мюнхене, Париже, Нью-Йорке, Франкфурте-на Майне... Он публиковался в журнале «Посев», в эмигрантских изданиях «Грани», «Континент», «Синтаксис», «22», «Страна и мир»... В 1984 году Померанц был «предупрежден об ответственности по ст. 190 («клевета на советскую действительность»)). И только с 1990 года он начал свободно печататься в России.

Ему 90 лет. Он по-прежнему много работает: читает лекции, пишет книги. И считает духовный труд главным условием преобразования личности.

- В своем школьном сочинении на тему «Кем быть» вы впервые явили образец инакомыслия, написав: «Я хочу быть самим собой». Может быть, с того дня ваша судьба и преопределилась. Вот и давайте поговорим, каково это - быть самим собой.

- Я начну с того, как у меня возникла сама идея, совершенно не типичная для начала 1935 года, - написать в сочинении: «Я хочу быть самим собой».

- Вы тогда в каком классе учились?

- В десятом. А идея возникла от чтения Шекспира. Мне лет в четырнадцать надоела остросюжетная романистика, я заметил, что там, в сущности, один и тот же герой, только под разными именами, попадает во всякие страшные ситуации. И меня повернуло в сторону прозы характеров. Я, конечно, был совершенно неподготовлен к серьезному чтению. Например, был ужасно недоволен, что Толстой отдает Наташу Ростову тучному увальню Пьеру Безухову, когда гораздо приятнее, по-моему, Андрей Болконский. И я карандашом на полях книги написал резолюцию: «Толстой дурак». Но вскоре я стал читать Шекспира (у соседей было его полное собрание), и один из эпизодов трагедии «Юлий Цезарь» убедил меня в том, что дурак я сам. Там сперва выступает Брут и доказывает, что Цезаря совершенно необходимо убить, иначе рухнет римская свобода. Толпа аплодирует Бруту. Затем выступает Антоний и как будто бы присоединяется к аплодисментам, но вдруг поворачивает настроение толпы в совершенно противоположную сторону. И я с

огорчением увидел, что меня поначалу захватил Брут, а потом захватил и Антоний. И я подумал, что я так же глуп, как и чернь. Но я себя считал умным мальчиком. И я начал искать в Шекспире какие-то очень важные мысли, которые останутся при мне, что бы со мной ни происходило. И вытащил из уст Гамлета: «Вы можете меня расстроить, но не играть на мне». Затем я запомнил слова Полонию об актерам: «Прими их лучше, чем они этого заслуживают. Если бы всем давали по заслугам, никто бы не избежал плетей». Вот так я и начал собирать какие-то мысли, которые во мне оставались.

- В том собрании были мысли опасные?

- Были. Помню, я в шестнадцать лет наскреб кое-что в предисловии к одному из романов Стендаля: «Позиция автора имеет только один недостаток - каждая партия может считать меня членом партии своих врагов». Мысль для 1934 года довольно опасная. Дело было еще и в том, что из рассказов разных людей я узнавал о голоде на Украине, в Поволжье, Сибири совсем не то, что узнавал из прессы. Мой друг Вовка Орлов присутствовал при беседах своего отца с Бухариным. Орлов-старший был химик, но интересовался философией, и Бухарин к ним заходил. И вот мой друг Вовка в свои пятнадцать лет начал как бы от собственного имени оценивать коллективизацию. Я понял, что он осторожно пересказывает Бухарина. Все это у меня никак не укладывалось ни во что стройное, я был растерян, как очень многие тогда. И я почувствовал, что мне надо найти прочную основу для того, чтобы меня не дурачили, чтобы я не доверялся первому впечатлению. Вот так и появилась задача - стать самим собой. Я выбрал для учебы Институт истории, философии и литературы. Не с целью получить профессию, а с целью стать самим собой. Хотя попутно я получил и профессию.

- Получается, тяга к знаниям у вас возникла из желания разобраться, что же на самом деле происходит в стране. Желание вполне прагматическое. Но почему вас вскоре потянуло в философию, причем отнюдь не марксистскую?

- Началось с тангенсоиды. Мне было шестнадцать лет, я изучал тригонометрию. И обратил внимание, что тангенсоида нырнула в бесконечность, как ей и полагалось, потом вынырнула. Так мальчишка прыгает с вышки, а через несколько секунд появляется на поверхности воды. И я воспринял эту тангенсоиду как мой собственный прыжок в бесконечность. Я не был уверен, что если нырну в бесконечность, потом из нее вынырну. И это меня ужаснуло. Несколько дней я пребывал в смятении и в конце концов отложил размышления о природе бесконечности до той поры, пока не поумнею.

- Когда вы почувствовали, что эта пора наступила?

- В двадцать лет я стал значительно умнее, чем в шестнадцать. Это естественно, в таком возрасте человек стремительно развивается. К тому же я читал подряд Тютчева, Толстого и Достоевского. В строчке Тютчева «а человек, сей мыслящий тростник» я поймал хвост мысли Паскаля, его знаменитый афоризм: «Человек слаб, как тростник. Порыв ветра может сломать его, но этот тростник мыслит. И если даже вся Вселенная обрушится на него...» То есть человек не является частью Вселенной. Человек отделен от нее. И он беспомощен. Единственное, что человека утешает: если даже вся Вселенная

обрушится на него, она не сможет отнять у него способность мыслить. И ужас, что вся Вселенная на меня обрушивается, снова меня охватил. Я начал искать в себе противовес. И придумал такую медитацию: «Если материальная бесконечность существует, то меня нет. Единица или тройка, или миллион, деленные на бесконечность, одинаково равны нулю. А если я есть, то бесконечности нет, а есть что-то другое». Я упорно пытался понять, что же тогда существует на месте бесконечности. Причем логический анализ здесь был невозможен. Надо было просто созерцать эту загадку.

- Боюсь, мы сейчас углубимся в философские дебри, из которых не скоро выберемся, если выберемся вообще. Давайте вернемся к разговору, в каких обстоятельствах вы решали задачу стать самим собой.

- Обстоятельства были таковы, что вольно или невольно заставляли задумываться. Вот одно из таких обстоятельств. В 1936 году было объявлено, что социализм в стране построен. До этого мы строили фундамент социализма. О том, как обстоит дело со стенами и крышей, разговора не было. И вдруг - социализм построен, потому что ликвидированы все эксплуататорские классы. И моя мама, отнюдь не философ, она была актриса, очень наивный человек, говорит: «Гришенька, неужели это социализм? Ради этого люди шли на каторгу, на виселицу?» А я только что сдал политэкономии социализма. «Да, - отвечаю, - это и есть социализм, поскольку ликвидирована частная собственность на средства производства». Сказал - и мгновенно почувствовал фальшь в своих словах. Почувствовал, что все, чему меня обучали целый семестр, все, что я старательно зубрил и за что получил пятерку, - все это вздор. Позже я укрепился в своем открытии. Я начал вспоминать, как нам жилось в 1927 году, в разгар нэпа. Мне было тогда девять лет, я выходил на угол своего Зачатьевского переулка и покупал за гривенник бутерброд с ветчиной. А сейчас - фигурки. И я начал размышлять над тем, почему рабочим и крестьянам ныне живется хуже, чем в 1927 году. Эти размышления постепенно привели меня к пониманию, что же в реальности представляет собой сталинский социализм.

- И как только вы это поняли, страх перед бесконечностью уступил место другому страху - отнюдь не мистического происхождения?

- Первой попыткой изжить страх бесконечности стала для меня война. В октябре сорок первого года я пошел в ополчение на защиту Москвы. Это было слабо вооруженное ополчение, которое, к счастью, осталось в своих окопах, так как успели подойти дивизии с Дальнего Востока. А в настоящую переделку я попал под Сталинградом.

- Где вам было страшнее - на войне или в мирной советской действительности?

- В мирной советской действительности. Потому что на войне, особенно в первом бою, я был настроен романтически, как Петя Ростов. Но наступил день, когда я испытал лютей, просто животный страх. Это когда наша дивизия попала под бомбежку. Меня охватил ужас, которого раньше я никогда не испытывал. Во мне, я это отчетливо помню, что-то кричало: «Домой, к маме!» Я понимал, что мама моя в Казахстане, в эвакуации, и что я лежу в степи в двух-трех километрах от места, которое бомбят «Хейнкели»; это тяжелые

бомбардировщики, они летают на большой высоте и по отдельным солдатам не стреляют. Но справиться с собой я не мог. Я находил в себе силы только лежать, зарывшись в землю. Так продолжалось полчаса, и вдруг мне явилось воспоминание о том, как, будучи подростком, я обнаружил в своей душе какой-то противовес внешней бесконечности. Я сказал себе: «Я же не испугался бездны пространства и времени, так чего я буду бояться нескольких «Хейнкелей». И я почувствовал, что меня накрывает какая-то волна, в которой тонет страх. В течение двух-трех минут этот страх растаял, как в чае кусок рафинада.

- *В партию вы на фронте вступили?*

- На фронте.

- *Без колебаний и сомнений?*

- Нет, я внутренне сопротивлялся вступлению в партию. Несколько дней думал, надо ли мне в нее вступать. И решил, что здесь, на войне, это, пожалуй, необходимо.

- *А исключили вас когда?*

- Меня исключили в сорок шестом. Я тогда служил корреспондентом в дивизионной газете.

- *За что исключили?*

- За дерзкое заявление о демобилизации.

- *Что вы в нем написали?*

- Я написал, что эта работа вызывает у меня отвращение.

- *Чем?*

- Ну тем, например, что я вынужден популяризировать роман Фадеева «Молодая гвардия», а меня тошнит от него.

- *Так и написали?*

- Так и написал. «Прошу меня демобилизовать, потому что моя работа внушает мне отвращение». То есть я просил не только об увольнении из «дивизионки». Я просил вообще демобилизовать меня из армии.

- *И вас демобилизовали?*

- Да. И одновременно исключили из партии. В моем военном билете написано: «Исключен за антипартийное заявление».

- *После этого вы работали техником треста «Союзэнергомонтаж», киоскером «Союзпечати»... Что дал вам этот опыт?*

- Ничего позитивного. Вообще из любой ситуации я всегда извлекал какой-то полезный человеческий опыт, а здесь растерялся. Потому что почувствовал: это тупик. Мне друзья говорили: «Добивайся восстановления в партии, иначе пропадешь».

- *И вам захотелось восстановиться?*

- Не захотелось. Но я понимал, что иначе - лагерь. И я подавал бумаги. Подавал в две инстанции - в политуправление Красной армии и в ЦК ВКПб. Я это делал против собственной совести, мною двигал страх оказаться за решеткой. Но вскоре выяснилось, что мои хлопоты по восстановлению в партии напрасны. Мне Вовка Орлов, которого вызывали куда надо, рассказал, что меня собираются посадить, уже оформляют. И тогда я испытал прилив

бодрости. Это был вызов судьбы, и я его принял. Я купил себе футляр для зубной щетки. Я отдал свою старую шинель в мастерскую, чтобы к ней пришили новые карманы взамен истрепанных. И когда меня арестовывали, я надел эту шинель, сунул в карман зубную щетку с футляром - и пошел. Пошел с любопытством. Пошел узнавать новый для меня мир.

- *За что вас тогда посадили?*

- Меня посадили по постановлению 47 года об изъятии из общества всех антипартийных, антисоветских элементов, отсидевших свой срок и вернувшихся какими-то судьбами в большие города. Я попал в поток «повторников». Много от них услышал о Воркуте, о Колыме... А сидел я три года.

- *Это тогда вы пришли к убеждению: «Лучше три года сидеть, чем всю жизнь дрожать»?*

- Нет, я пришел к этому значительно раньше - в пору студенчества. Было известно, что «особое совещание» имело право своим решением давать три года. А если больше, тогда уж суд.

- *Как вам удалось после отсидки «за антисоветскую агитацию» получить работу по специальности?*

- Вот как раз по специальности меня никуда и не брали. Я устроился учителем в одну из сельских школ Краснодарского края. Ездил по воскресеньям в Ростов, читал в библиотеке имени Карла Маркса интересные книжки. Туда – на попутной машине, обратно пешком, ночью. В четыре утра я возвращался, а уже в восемь должен был быть на занятиях. Потом состоялся XX съезд, после которого я подал заявление о реабилитации. В Москву я вернулся уже реабилитированным и получил работу по договорам в библиотеках общественных наук. Я был младшим научным сотрудником, по сути, библиографом. Потом мне стали давать работу по договорам в секторе информации Института экономики. Для выполнения этой работы мне требовалось посещать Библиотеку Академии наук. И там попадались интересные германоязычные тексты, которые я просматривал. В частности, я очень долго сидел над книгой «Теория центрально-административного хозяйства». Ее автор прежде работал в управлении кожевенной промышленности Третьего рейха, где пришел к выводу, что казенная система экономики превосходна, если надо пошить десять миллионов шинелей, десять миллионов сапог, но она решительно непригодна для удовлетворения разнообразного потребительского спроса. Точно так же, думал я, читая эту книгу, и советская система хозяйствования: она полезна только в чрезвычайных обстоятельствах, в условиях войны, а в мирной жизни никуда не годится.

- *Вам не хотелось получить место в солидном научном институте, легально заняться изучением философии, защитить диссертацию?*

- Дело в том, что в первые годы после возвращения в Москву у меня вспыхнула любовь к Ирине Игнатьевне Муравьевой. Мне было все равно, где работать, лишь бы побольше времени проводить с ней. Вместе с Ирой мы горячо переживали травлю Пастернака. Я сказал: «Рушенька, давай посмотрим, не наблюдается ли сейчас какое-нибудь движение умов, направленное против

советской власти». И я в течение года вел кружок молодежи, такой подпольный семинар.

- *Это после трех лет лагерей?!*

- Ну, время было оттепельное, шел 58-й год. Да и война меня приучила ничего не бояться. Кстати, и лагерь приучил к этому. Там однажды был случай. Попадаем мы в карантин, где распоряжается какой-то человек, которого я принял за начальника карантина. Оказалось, он просто дневальный. Из заключенных. Бандит. По фамилии Шелкопляс. И я ему делаю замечание: мол, начальник мог бы и поменьше матюкаться. Он был страшно изумлен покушением на свой авторитет. А дело было в бане, я голый стоял. Я - маленький такой, хрупкого сложения, а этот - глыба, громила. Слово за слово, он плюнул в мою сторону, а я, соблюдая некоторую осторожность, плюнул в его сторону, но не стремясь до него доплюнуться. Тогда он поднял табуретку над моей головой, а это верный способ убить. И тут я посмотрел ему в глаза. А глаза у меня иногда бывают сильные, выразительные. Он отбросил табуретку, смазал меня, походя, сапогом по животу, крепко сам себя стукнул о дверную притолоку, чтобы остыть, и вышел. Неохота ему было зарабатывать дополнительный срок на паршивом фраере. Но сразу разнесся слух по лагерю, что чуть не убили выпускника Института истории, философии и литературы. Нашелся еще один человек, который закончил Институт истории, философии и литературы, и он пришел со мной знакомиться. Его фамилия Фильштинский. Он живой еще, ему сейчас тоже 90 лет. Он доктор наук, профессор арабской словесности. А с Шелкоплясом я на следующий день помирился, нас мирил священник, находившийся в том же этапе. Потом я помог Шелкоплясу написать «помиловку» - прошение о помиловании.

- *Ваш антисталинский доклад, прочитанный в Институте философии, потом разошелся в машинописных копиях, стал достоянием самиздата. Почему доклад наделал столько шума? Ведь о Сталине тогда уже многое было сказано.*

- Доклад произвел впечатление, потому что Сталина вновь начали поднимать на щит, и выступить против ползучей реставрации сталинизма - это был поступок. Свой доклад я в течение трех недель обдумывал. Как писал Пастернак, «шатался по улицам и репетировал». И прочитал с блеском. Концовку только изменил. На домашней репетиции мне было сказано, что если я закончу так, как задумал, меня за ноги стащат с трибуны. А критиковал я Сталина, опираясь на ленинские цитаты. Одна из них была примерно такого содержания: «Раб не виновен в том, что он раб. Но раб, который обожает своего хозяина, это не просто раб, это холоп и холуй». Доклад вызвал страшное раздражение у Семичастного (председателя КГБ. - **В.В.**). Он два раза звонил в президиум Академии наук, оттуда звонили Юрию Александровичу Леваде, который был секретарем парторганизации Института философии. Левада отвечал, что доклад выдержан в духе решений XX и XXI съездов. Вообще Левада был мужественный человек, и он очень твердо держался.

- *Я слышал, что этот доклад чуть было не напечатал Твардовский в «Новом мире».*

- Доклад был принят в портфель редакции, но для публикации не предназначался. Было понятно, что напечатать это никто не даст.

- Тогда зачем же в портфель принимали?

- Чтобы легализовать. Одно дело, когда этот текст гуляет в самиздате, и другое - когда он находится в портфеле «Нового мира», главный редактор которого - член ЦК.

- Вы ожидали, что ваш доклад станет антисталинским манифестом думающей интеллигенции?

- Не только ожидал - стремился к этому. Но вслед за мной против политической реабилитации Сталина открыто выступил лишь один человек - Михаил Ильич Ромм. Он после пригласил меня к себе домой, мы с ним долго беседовали. Ромм рассказывал, что когда он делал фильм «Ленин в 1918 году», он сам дрожал от страха, что к нему ночью придут. И успокоился, только узнав, что Сталину фильм понравился. Это был единственный человек, который откликнулся на мое выступление и одновременно покаялся в том, что в какой-то степени соучаствовал в сталинщине.

- В чем вы сегодня находите духовную опору?

- В созерцании.

- В созерцании чего?

- Ну, например, природы. Она ведь проявление того ощутимого нами внутреннего духа, на котором все в мире держится. После того как астрономы прогнали Бога с неба, Бог находится где-то здесь, в области человеческого сердца, в самой его середине.

- Вы писали философские трактаты, печатали литературоведческие статьи, сочиняли публицистические эссе, издавали, мемуары, читали лекции, участвовали в дискуссиях на самые разные темы... Но если одним словом, чем вы всю жизнь занимались?

- Я собирал себя. Одна моя книжка так и называется - «Собирание себя». Она составилась из лекций, когда-то прочитанных мной в Литературном музее. Я считаю, что молодым людям надо собирать себя. Или, скажу по-другому, идти к себе. Путь к себе и долог, и тернист, но встав на этот путь, уже нельзя повернуть назад.